

ГАЛАМРОК

БЕГИ
ПРЯЧЬСЯ
НЕ ДОВЕРЯЙ
НИКОМУ

ПОКА
ТЫ ЖИВ
ТЫ НЕ
МЕРТВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Гала Мрок

Ада

Серия «Ада», книга 1

<https://litres.ru/73970201>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вакцина МОД-1 должна была стать величайшим прорывом в истории человечества. Мир встретил её с восторгом, а потом улицы начали тонуть в крови.

Ада и Кайл. Их цель — спастись, добраться до семьи, найти убежище в мире, где всё рушится.

Апокалипсис меняет каждого: одни убивают ради выживания, другие становятся зомби, третьи — монстры, скрывающиеся под человеческой маской. Когда цивилизация умирает, перед людьми встает вопрос: на что они готовы пойти ради тех, кого любят? И останется ли в них хоть что-то человеческое после всего, что им придётся совершить?

Напряжённый постапокалиптический триллер о выживании, страхе, семье, предательстве и любви на руинах погибающего мира.

Содержание

Все персонажи, локации, миры и события в этой книге — плод вымысла. Любые совпадения с реальными людьми (независимо от того, живы они или нет) и с действительными событиями — не более чем случайность, возникшая в глубинах авторского сознания и рождённая творческой фантазией.	4
Пролог.	4
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ада

Все персонажи, локации, миры и события в этой книге — плод вымысла. Любые совпадения с реальными людьми (независимо от того, живы они или нет) и с действительными событиями — не более чем случайность, возникшая в глубинах авторского сознания и рождённая творческой фантазией.

Пролог.

Научно-исследовательская корпорация «Эшли» под руководством Сандры Брейд и её заместителя Соула Брейда сделала всемирное заявление о прорыве в области лечебной медицины. Пресс-конференция транслировалась в прямом эфире на всех континентах, собирая миллиарды зрителей у экранов.

Власть имущие рукоплескали и ликовали, услышав, что теперь для продления молодости не нужно прибегать к пластической хирургии. Достаточно лишь вакцины МОД-1.

— *Кожа разгладится, мышцы обретут тонус, а седина сменится былым цветом волос,* — щебетала улыбчивая брюнетка из новостной ленты.

На этом плюсы не заканчивались. Презентация препарата сопровождалась впечатляющими слоганами. Вакцина, как утверждалось, обладает целым рядом уникальных свойств. Она обещает на клеточном уровне создать защиту от любых агрессивных болезней — от гриппа до аутоиммунных расстройств. Блокирует процессы старения на молекулярном уровне, ускоряет регенерацию и восстановление тканей — переломы срастаются за считанные дни, ожоги заживают без шрамов. Кроме того, препарат восстанавливает нейронные связи: у пациентов с травмами мозга восстанавливаются речь и двигательные функции, у людей с нейродегенеративными заболеваниями стабилизируется состояние. Наконец, вакцина повышает иммунитет до беспрецедентных показателей — организм начинает самостоятельно нейтрализовать патогены.

Зал заседаний министерства здравоохранения был заполнен влиятельными лицами: министрами, сенаторами, ведущими медиками и представителями крупнейших фармацевтических компаний. Все взгляды были прикованы к большому экрану.

— *Нам удалось поднять человека с практически полной атрофией мышц!*— торжественно восклицает Сандра Брейд с экрана, демонстрируя правительству плоды своих творений.

В белой стерильной комнате, освещённой тусклым холодным светом, на кушетке лежит больной. Невооружённым взглядом видно его недуг: тонкие руки, на которых под кожей виднеются прожилки вен; ноги такие же худые — на костях едва заметные нити оставшихся атрофированных мышц.

Медицинский работник, облаченный в белый комбинезон, вводит препарат в плечо пациента.

По прошествии пятнадцати минут камера фиксирует движения: сначала подрагивают пальцы ног, затем едва заметные повороты головы. Камера меняет ракурс, берёт расширенный формат, транслируя всю палату.

За стеклянной дверью стоит тот самый человек, что вводил вакцину. Он ритмично постукивает костяшками пальцев по стеклу. Пациент реагирует то ли на звук, то ли на движения, словно кобра под действием дудочки. Садится, находит источник звука и резко, дерганным движением спрыгивает с кровати.

Он пробегает пару метров — нога подламывается, и тело падает навзничь, ударяясь лбом о край металлического стола. Характерный хруст костей и стекающая густая жижа из крови и мозга заставляет поморщиться даже самых толсто-

кожих членов собрания.

Трансляция только что почившего сменяется. Сандра, чуть улыбаясь алыми губами, смотрит с экрана медово-кариими глазами:

— *Господа, прошу простить за столь нелицеприятную картину. Форс-мажор. Всё-таки больной провел в неподвижном состоянии около пяти лет, и на полное восстановление ему нужно было дать больше времени...*

В зале повисает напряженная тишина. Кто-то переглядывается с соседом, кто-то нервно постукивает ручкой по блокнутому.

Соул Брейд, стоящий чуть позади жены, незаметно ухмыляется. Он знает, что это не случайность. В лаборатории есть более удачные случаи, но Сандра настояла на демонстрации именно этого видео. Она всегда любила играть на публику.

Один из сенаторов, седовласый мужчина с жёстким лицом, наклоняется к соседу:

— Работает... черт возьми...

Сандра переходит к следующему слайду. На экране появляются графики, диаграммы, фотографии пациентов до и после.

— *Да, были отдельные случаи нестабильности, —* продолжает она, *— но мы уже модернизировали формулу. МОД-1 — это наше будущее. Представьте: люди, свободные от болезней, с восстановленными функциями организма, с*

продленной молодостью!

Ей нужно быть крайне убедительной, чтобы организованное собрание министерства здравоохранения дало добро на запуск её задумки в массы. Так бы подумал каждый. Но Сандра уже знает наперед: благодаря хитросплетённым связям и махинациям её детище выйдет в этот мир.

Сандра Брейд, стоя за трибуной в безупречном белом костюме, сдержанно улыбалась. Её взгляд скользил по восторженным лицам. Рядом с ней Соул Брейд поправлял манжету рубашки — его пальцы слегка дрожали.

В зале царила атмосфера триумфа: кто-то уже подсчитывал будущую прибыль, кто-то мечтал о вечной молодости, а кто-то видел в открытии шанс спасти близких. Камера крупным планом показывала формулу МОД-1. Загадочные символы и индексы, за которыми, скрывалось будущее человечества.

— *Дабы в дальнейшем избежать недопониманий и разногласий,* — Сандра делает паузу, ожидая, когда гомон голосов утихнет, — *вакцина будет доступна на безвозмездных условиях всем без исключения. Спонсоры великодушно сделали свой вклад в разработку в надежде сделать наш мир чуточку лучше, ну и, конечно, добавит плюстик себе в карму,* — она поощрительно улыбается, и зал снова наполняется аплодисментами.

Камеры отключаются, журналистов вежливо, но настойчиво выводят из зала. Охрана проверяет двери, опускаются

затемняющие шторы — теперь на трибунах остается лишь узкий круг влиятельных людей: министры, главы корпораций, военные стратеги.

Соул, немного помявшись, выпрямляется и деловым тоном обращается к оставшимся:

— Дело за малым — заставить народ вакцинироваться.

— Любители халявы первые станут в очередь, — насмешливо резюмирует раскосый мужчина с залысинами, небрежно поправляя запонки.

— Не думаю, что все захотят воспользоваться таким «подарком», — скептически заключает пышнотелая женщина с безупречной прической, постукивая розовым ногтем по деревянному покрытию стола. — Будут те, кто усомнится. Кто-то вспомнит прошлые неудачи с вакцинами, кто-то побоится побочных эффектов...

— Кто не захочет — заставим, — вальяжно раскинувшись в кресле, ухмыляясь, констатирует министр в тёмном костюме. Его пальцы перебирают массивный перстень на руке. — Способы воздействия неизменно одни и те же из года в год. Пропаганда, льготы, штрафы, ограничения для непривитых... С этим проблем не возникнет.

Сандра молча слушает, слегка склонив голову. Её улыбка больше не сияет — теперь это тонкая, задумчивая линия губ.

А в глубине лаборатории, за запертыми дверями, стоят миллионы колб с маркировкой «МОД-1». Этот препарат мо-

жет изменить всё... или уничтожить.

Глава 1

Октябрьский дождь монотонно барабанит по подоконнику. Капли стекают по залапанному стеклу, оставляя извилистые дорожки. Жёлтый лист прилип к окну снаружи, ветер дергает его кончик — он будто манит меня наружу, зовёт вырваться из этой затхлой квартиры.

Наблюдаю через стекло, как пожилая женщина под аляпистым зонтом в яркий розовый цветочек, в сером пальто, чуть затертым на локтях, осторожно перешагивает лужи. Она выбирает островки среди мутных водных зеркал, отражающих серое небо.

Метрах в десяти от нее позади идёт мужчина в зелёном жилете дорожного работника. Он хромает, тянет за собой ногу так, будто она сломана или давно не слушается хозяина. Каждое движение даётся ему с видимым усилием: он слегка наклоняется в сторону поврежденной ноги.

Старушка скрывается в темной арке между домами — там, где свет дождливого дня растворяется в сумраке. Мужчина пытается ускорить шаг: его фигура на мгновение замирает, а затем делает рывок вперёд. Но не успевает пройти и пары шагов — нога подворачивается, и он с всплеском падает в лужу.

Поднимается на четвереньки, медленно, натужно. Вода стекает с жилета, капли скатываются по козырьку кепки. Он

поворачивается в ту сторону, где исчезла женщина, — голова чуть наклонена, взгляд устремлен в глубину арки.

Я напрягаю зрение, пытаюсь рассмотреть, что у него с лицом, но дождь, стекающий по окнам широкими мутными струями, и расстояние с высоты третьего этажа не дают этого сделать. Мир за стеклом размыт, искажен игрой воды и света.

На секунду мне показалось — что из его рта течет какая-то черная жижа, густая и неестественно вязкая, а глаза белесые, почти молочные, с кровавой окантовкой по краям век. Сердце пропускает удар, дыхание замирает. Проморгавшись, смотрю на него вновь.

Он вскакивает порывисто, словно кто-то дёрнул за невидимые нити. Движения дерганые, неестественно резкие — как у заводной куклы, у которой сбился механизм. И тут же скрывается в арке, растворяется в ее серости, оставив после себя лишь круги на поверхности лужи да мое нарастающее ощущение тревоги.

— Хрень какая-то... Кайл, сегодня займёмся генеральной уборкой, — тяжело выдыхаю, оборачиваясь к печке. Взгляд цепляется за слой пыли на подоконнике.

Забрызганный жиром чайник выпускает пар с шипением, словно протестует против грядущей уборки. Открываю дверцы навесного шкафчика — они скрипят петлями, а вместе с ними и мои зубы.

— Может клининг вызовем? — голос Кайла раздается по-

зади меня. Я подпрыгиваю, чуть не выронив банку с кофе. Сердце делает кульбит.

Оборачиваюсь и от испуга хлопаю его по плечу. Он ловко уворачивается, улыбаясь во весь рот, потом всё-таки хватается за плечо и шипит:

— Больно же.

— Дурак, — кидаю на него хмурый взгляд. — Напугал.

— Трусиха, — хмыкает он, усаживаясь за стол, и демонстративно потирает плечо.

Возвращаюсь к приготовлению утреннего напитка. Разливаю кипяток по кружкам — аромат кофе моментально обволакивает теплом, он поглощает в себя старческий запах, которым тут пропитано абсолютно все.

Ставлю кружку Кайлу, сажусь напротив него за стол, который покрыт царапинами и пятнами.

— У тебя есть деньги на клининг? — спрашиваю, глядя, как он распаковывает пачку с печеньем.

Он поджимает губы, задумчиво отламывает кусочек, затем отвечает:

— Не-а.

— Тогда зачем задаёшь глупые вопросы? — мои глаза сами закатываются к потолку.

— Мало ли, — Кайл пожимает плечом и с аппетитом откусывает печенье. — Может, у бабули есть?

— Твоя бабуля, пойдя спроси, — отхлёбываю бодрящий напиток, наблюдая за братом.

— Лучше ты, — настаивает он.

Макаю печенье в кофе, подношу ко рту — оно с хлопом падает на стол, разлетаясь мокрыми крошками повсюду.

— Черт... — стряхиваю их с футболки, оставляя влажные пятна. — Она меня терпеть не может. Как там она говорит... что я подкидыш.

— Ада, забей, — Кайл кидает на меня серьёзный взгляд, и улыбка с его лица сползает. — У неё деменция, ей прощительно. Ты ведь знаешь, что тебя все любят.

— Знаю, — киваю ему, направляя взгляд в дождливое окно. Лист всё ещё прилип, но теперь кажется не манящим, а одиноким — такой же, как и я когда-то.

Утренняя серость затягивает меня в воспоминания. Вечно пьяная Зоуи — женщина, которая меня родила, — матью я никогда не называла её. Да и она обращалась ко мне

либо «эй, ты», либо с словесным разнообразием матерного лексикона. По имени она называла меня только тогда, когда заканчивались деньги и нужно было пройтись по соседям, чтобы попрошайничать на еду. Но еду, естественно, никто не покупал. Всё, что добрые люди жертвовали мне как ребёнку, уходило на выпивку.

Еды в доме не было. Как и одежды. В школу я ходила — мне нравилось учиться, — но травля была ужасной. Я ходила как оборванка: в драной обуви, в одной и той же одежде, которая давно вышла из моды. Никто не хотел со мной дружить.

Кроме Кайла. Он не шёл за стадом, не боялся, что его тоже начнут буллить. Защищал меня, хотя я тоже не из робкого десятка. Я постоянно пропадала у него в гостях. Сиера — самая добрая, великодушная женщина — кормила меня, собирала провизию с собой, а я относила её домой. Но там она не задерживалась: продукты съедали мамыны собутыльники либо обменивали на спиртное. Так происходило и с моими вещами, которые мне покупали родители Кайла.

Когда мне исполнилось десять лет, Зоуи убили — зарезали «розочкой» из бутылки. Нормальный человек был бы убит горем, потеряв мать. Но не я. Как бы это мерзко ни звучало, но для меня этот день стал освобождением и перерождением.

Семья Сиеры и Марка Скар удочерили меня. Я стала сестрой Кайла Скар. Наконец-то я обрела людей, которые полю-

били меня как родную дочь. Я начала впитывать от них знания, учиться общаться и взаимодействовать с людьми, читать книги, любить жизнь со всеми ее возможностями, которые раньше были от меня скрыты. Из прошлой жизни я оставила себе только имя и фамилию — Ада Фарт. «Фарт» — говорящая фамилия с учётом моей истории.

Вибрация телефона резко выдернула меня из погружения в прошлую жизнь — словно кто-то дёрнул за плечо, возвращая в реальность. Экран тускло светится в полумраке комнаты, надпись «Мамуля» подмигивает мне, напоминая о тепле и заботе. Сдвигаю в сторону зелёную иконку приёма вызова, делаю глубокий вдох.

— Привет, мамуль.

— Доченька, как у вас дела? — голос Сиеры звучит непривычно встревоженно.

— Всё хорошо, пьем кофе, — я бросаю взгляд на Кайла: он передразнивает меня, строит гримасы, беззвучно шевелит губами, пародируя мой тон. Я едва сдерживаю улыбку. — Кайл передаёт вам привет, — добавляю я в трубку.

— Дочь, дай трубку брату, — неожиданно раздаётся твердый голос Марка.

— Секунду, — я протягиваю телефон брату. — Отец про-

сит тебя.

Брови Кайла мгновенно сходятся над переносицей, образуя складку. В его чёрных глазах вспыхивает тревога, затем начинается напряженный мыслительный процесс: он хмурится, кусает губу, машинально крутит в пальцах край скатерти — видно, как лихорадочно пытается вспомнить, что мог натворить, за что его могут отчитывать.

— Привет, пап, — прокашливаясь, произносит он в динамик.

— Сын, я переведу на карту деньги. Сейчас же езжайте в аэропорт и купите билеты на ближайший рейс к деду, — слова Марка звучат громко и чётко, я отчётливо слышу их, хотя трубка у Кайла. В интонации отца какая-то скрытая тревога.

— Вы же сами нас к бабушке отправили, — Кайл исподлобья смотрит на меня. — Что происходит?

— Кайл, — Марк тяжело, протяжно вздыхает, — не телефонный разговор. Делай, как я сказал. Это не требует отлагательств.

Я наклоняюсь через стол, почти касаясь плечом брата, и говорю в динамик:

— А как же Бэлла? Мы ведь только вчера приехали...

— Я нанял ей сиделку, — отец делает паузу на несколько секунд, словно давая нам осознать сказанное. — Она придет в ближайшие пару часов. Дождитесь её и поезжайте в аэропорт.

— Понял, — кивает Кайл. — Вы уже у дедушки?

— Нет, выезжаем через пару часов. Кайл, ты сейчас за старшего. Ада под твоей ответственностью и защитой. Прекращай дурить. Время взрослеть.

Мы переглядываемся с Кайлом. В наших глазах — обезьянки хлопают в металлические диски: мы совершенно не понимаем, что происходит, почему всё так резко поменялось и что всё это значит.

— Понял. Принял. Готов выполнять, — чеканит слова Кайл.

— До встречи, дети. Мы вас любим, — одновременно говорят Сиера и Марк.

Почему-то в груди так запекло. Захотелось их обнять крепко-крепко, прямо сейчас.

— Мы вас тоже, — говорю я в трубку у уха Кайла.

— Да не ори ты на ухо! — сморщившись, шипит он на

меня.

— Не ругайтесь. Отбой связи, — сквозь прерывистую связь доносятся слова Марка, а затем раздаются гудки.

Кайл кладёт телефон на стол и проводит ладонью по чёрным волосам, собранным в хвост. Сколько раз я обещала ему их подстричь... Симпатичный, мужественный парень, образ которого портит эта грива до плеч.

Скидываю пальцем его волос, упавший на край стола, и спрашиваю:

— Какие предположения?

— Нас ждут приключения, — Кайл поднимает на меня глаза, блестящие от предвкушения. — У деда классно: воля, природа. А тут, в этой вонючей затхлой квартирке...

— Я имею в виду, почему всё изменилось? — перебиваю я. — Нас отправили проведать Бэллу взамен на то, что Марк устроит нас двоих в полицейский участок. А теперь что? Мы в пролёте?

Кайл откидывается на спинку стула — тот умоляюще скрипит под его весом, будто вот-вот рассыплется. Он задумчиво смотрит в пожелтевший от времени потолок и закоптившуюся люстру с двумя мутными лампами.

— Может, Марка предупредили о чём-то... — медленно произносит Кайл, постукивая пальцами по столешнице. — Возможно, военные действия или бунт какой...

— Ладно... Потом выясним, — небрежно отмахиваюсь рукой и поднимаюсь со стула, слегка потягиваясь.

Подхожу к брату, обнимаю его за плечи и шепчу на ухо:

— Главное, что нам не придётся выносить горшки за скверной старушкой.

Кайл тихо смеётся — вибрация передается мне в руки.

— Ты же девочка. Где твоё сострадание? — он слегка сжимает мою ладонь.

— Сострадание, — расцепляю руки и делаю шаг назад, — закончилось, когда она в прошлый приезд запустила в меня цветочным горшком. И не просто горшком, а с кактусом!

Брат поднимается со стула — теперь мне приходится задира́ть голову, чтобы смотреть в его глаза. Он выше меня на голову.

— Сама виновата, — ухмыляется краем губ, чуть склонив голову набок. — Нечего ей было напоминать, что она для нас тоже никто. Просто бывшая жена деда, которую благосклонно решили не бросать в одиночестве.

— Она меня спровоцировала, — коротко бросаю я, убирая прядь волос с лица.

Кайл гордо приподнимает подбородок, скрещивает руки на груди. Рукава белой футболки заметно натянулись от напряжения мышц — под кожей проступают вены.

— Мы будущие блюстители порядка и должны обладать железным самоконтролем, — произносит он назидательно, но в глазах мелькает озорной огонёк. — Ты забыла, чему нас

учили в колледже?

Повторяю его позу — скрещиваю руки, слегка приподнимаю подбородок, стараясь выглядеть так же внушительно. Затем растягиваю слова, копируя его тон:

— Также мы должны обороняться при любой угрозе своей жизни. Нам разрешено стрелять на поражение... — делаю паузу и добавляю с лёгкой улыбкой: — Особенно если в тебя кидают горшками и памперсами.

Он улыбается обворожительной, открытой улыбкой — она всегда действует на меня, как солнце в пасмурный холодный день. На душе сразу становится тепло, настроение поднимается, и кажется, что нас ждёт только хорошее.

— Бабка в памперсе и с цветочным горшком поистине опасна, — кивает он, сверкая смеющимися глазами.

— Иди ты... — фыркаю ему в ответ, но не могу сдержать ответной улыбки.

Глубоко втягиваю носом воздух — и тут же жалею об этом. На рецепторы оседает знакомый запах: едкий, фекально-аммиачный. Тошнота подкатывает к горлу, желудок недовольно сжимается. Кофе, кажется, хочет подняться из желудка и лично посмотреть на источник этого запаха.

— Кайл, — проглатываю тошнотный ком, стараясь говорить ровно, — пойдём-ка проверим, как там дела у бабули.

Он глубоко вдыхает, морщится и тут же зажимает нос пальцами. Черные глаза, обрамленные густыми ресницами, прищуриваются, изучая меня с подозрением.

— Ты пукнула? — с абсолютно серьёзным видом выдаёт он, но в глазах пляшут чертики.

Чувствую, как щеки заливает краской. Сжимаю кулаки, чтобы не дать себе отреагировать так, как хочется — то есть дать ему подзатыльник. Беру себя в руки.

— Очень смешно, — цежу сквозь зубы. — Запах идёт из комнаты Бэллы. Точно тебе говорю.

Разворачиваюсь, беру его ладонь и тяну в сторону комнаты Бэллы. Брат нехотя идёт следом, что-то бубня себе под нос.

Стучу в потёртую серую дверь.

— Бэлла, я могу войти? — спрашиваю, чуть приоткрыв полотно и стараясь говорить как можно вежливее.

— Конечно, заходите, гляньте-ка на мою картину! — доносится уверенный ответ старушки, в нём звучит неподдельная гордость.

Зажимаю нос рукой, отпускаю руку Кайла. Переступаем через порог — и моя челюсть буквально стремится к полу.

Бэлла стоит на кровати... голышом. В одной руке она держит памперс, другой размазывает его содержимое по стене — широкими коричневыми мазками, как безумный художник. На стене уже вырисовываются абстрактные завитки, пятна, линии — целая «композиция».

— Дерьмовая картина! — выкрикивает брат и молниеносно влетает в туалет.

Оттуда тут же доносятся рычащие звуки опустошения же-

лудка.

Мои руки безвольно опускаются по швам. Я стою, не мигая, уставившись на это деменционное творчество, и с ужасом понимаю: отмывать всё это придётся нам. Мысленно прикидываю масштаб бедствия: стена, кровать, пол, Бэлла...

— Ну как? — Бэлла поворачивается, лучезарно улыбается, гордая своим творением. — Правда, шедевр? Я назвала это «Глубина души»!

Сглатываю, пытаюсь найти слова. В голове мелькает: «Голодная диета после такого обеспечена дня на три... а может, и на неделю».

Из туалета раздаётся приглушенный голос Кайла:

— Сестренка, скажи ей, что это... э-э-э... авангард. И что мы в восторге. Но нам срочно нужно... гм... обсудить детали выставки!

— Да, Бэлла, — выдавливаю я, стараясь не смотреть на стену, — это... очень смело. Очень. Но, знаете, нам с Кайлом нужно срочно обсудить кое-что важное. Мы... вернёмся позже!

Делаю несколько шагов назад, нащупываю ручку двери. Кайл, пошатываясь, выходит из туалета.

— Точно! — подхватывает он. — Мы вернемся с фотографами! И куратором! И... и критиками!

Глава 2

Кайл героически взял на себя уборку комнаты Бэллы — впрочем, как и всегда. Он жалеет меня, оберегает, будто я хрустальная, и неизменно взваливает на свои плечи всё, что туда может поместиться, — в том числе и меня. А я без зазрения совести этим пользуюсь. И мне не стыдно.

Марк воспитал его так: настоящий мужчина должен решать самые сложные задачи. Я прям слышу его голос, хриплый и твердый: «Если мужчина не может облегчить жизнь женскому полу, дать опору, защиту, заботу, обеспечить комфорт её существованию, то он должен либо юбку надеть, либо отдать богу душу».

В ушах до сих пор звучит: «Если рядом с тобой у женщины отрастают стальные яйца, то тебе, никчёмному яйценосцу, нет смысла копить воздух — твоё место на погосте или в гареме у шейхов».

Кайл усвоил эти слова как руководство к действию. Его забота — не спонтанный порыв, а результат усвоенной модели поведения: он берёт на себя обязанности, потому что считает это своим долгом.

Устало опускаюсь на стул, с облегчением вытягиваю ноги — каждая мышца ноет, гудит. Пока Кайл сражался с этой кошмарной фекальной картиной на стенах, я успела выдрать до стерильности всю кухню, сварить густой куриный суп

и, наконец, привести в порядок саму Бэллу: смыть последствия ее художества, уложить волосы, одеть в чистое.

Теперь она сидит напротив, медленно хлебает куриный бульон — ложка ритмично стучит о край тарелки, пар поднимается тонкими струйками. Её взгляд... он изменился. В нём больше нет той пугающей пустоты — рассудок вернулся. Не знаю, надолго ли этот проблеск ясности, но сейчас глаза осмысленно следят за мной, а речь обрела прежнюю четкость, пусть и слегка ослабленную.

— Как же болит эта штука... — едва слышно шепчу я, невольно потирая место укола на плече, где кожа горит и пульсирует.

— Поболит и перестанет, — спокойно отвечает Бэлла, проглатывая очередную ложку супа, не поднимая глаз.

Я задерживаю взгляд на её лице — морщинистом, изобрoжденном годами.

— Тебе сегодня это тоже предстоит, — твёрдо говорю я. — Вакцинация обязательна для всех. Даже для таких древних динозавров.

Старуха резко хмурит седые брови, и её мутные карие глаза вдруг вспыхивают упрямым огнём.

— Не надо мне никаких уколов. Я жить хочу!

Медленно, стараясь унять раздражение, я делаю несколь-

ко глотков остывшего чая с ломтиком лимона. Разворачиваю блестящую, яркую обертку конфеты.

— Это твой шанс, — настойчиво убеждаю я, глядя ей прямо в глаза. — Власти торжественно обещали: эта вакцина избавит человечество от всех болезней, продлит молодость, увеличит годы жизни...

— Нет! — вскрикивает Бэлла и с силой хлопает ладонью по столу. Тарелка с остатками бульона подпрыгивает, ложка звонко звенит. — Я отказываюсь! Ни за что не позволю им сделать из меня монстра, как тех, кого я видела там...

Она резко кивает головой в сторону окна, и я машинально поворачиваю голову, следуя за ее взглядом. Через отмытое до прозрачности стекло открывается вид на пустынную улицу — ни души, ни движения.

Кайл входит в кухню — с мокрых волос струятся капли, он на ходу небрежно вытирает их махровым полотенцем. Его загорелый торс блестит от воды, а серые спортивные штаны потемнели от впитавшихся капель.

— Ба, тут без вариантов, — голос его звучит твёрдо. — Это обязателька.

Бэлла, заметив внука, расплывается в широкой улыбке — вставные челюсти блестят, контрастируя с морщинистым лицом. Она с трудом поднимается, цепляясь дрожащей, узловатой рукой за край столешницы. Задирает голову к Кайлу и

заговорщицки произносит:

— Внучек... да кому я тут нужна-то? Три жалкие улочки, одна захудалая аптека да супермаркет на окраине... — она горестно качает головой, и её старческие ноги, обутые в стоптанные тапочки, начинают шаркать по полу, медленно уводя её к спасительной двери спальни. — Просто... не открывайте никому, вот и все дела...

Кайл бросает в мою сторону короткий взгляд — в нём читается решимость. Я открываю рот, собираясь вмешаться, остановить этот разговор, но он опережает меня, чеканя слова:

— Отец нанял тебе сиделку. Мы уезжаем в ближайшее время — он приказал.

Старушка резко оборачивается — и в этот миг что-то ломается в ней. Осмысленность мгновенно гаснет, как задутая свеча. Губы вытягиваются в тонкую, бескровную линию, лицо искажается гримасой боли и ярости.

— Катитесь к чертям, предатели! — её голос срывается на крик, пронзительный и отчаянный. — Вы хотите меня отравить?! Квартуру мою задумали отобрать, да?! Вот вам! — Бэлла, потеряв над собой контроль, яростно тычет в нашу сторону обеими руками, показывая обе фиги, и с ненавистью, с горечью, попеременно плюёт в нашу сторону.

— Кайл, ну кто тебя за язык дернул? — я с упреком смот-

рю на брата. — Теперь как её успокоить?

Он небрежно отмахивается:

— Да не переживай, я её успокою. — Кайл подходит к старушке и мягко кладёт руки ей на плечи. — Пойдём, бабуль? Приляжешь, отдохнешь, а я тебе сказку расскажу, ладно?

— Сказку? — Бэлла удивлённо распахивает глаза, в них вспыхивает искорка надежды. — Ты точно не обманешь?

— Зуб даю! — уверенно кивает Кайл и аккуратно подталкивает её в сторону спальни.

Бэлла, довольно улыбаясь, медленно заходит вглубь комнаты. В этот момент дверной звонок раздаётся резко и пронзительно, словно электрошок, бьющий по и без того натянутым нервам.

— Я открою! — поспешно выкрикиваю я и бросаюсь к двери.

На пороге застывает полноватая женщина лет пятидесяти — её добродушное лицо обрамляют слегка выющиеся каштановые волосы. В руках она держит коричневый кожаный чемоданчик, с которого стекают капли недавнего дождя, рядом — аккуратно сложенный зонт. От неё веет спокойствием и надежностью.

— Здравствуйте! — её голос звучит открыто, с лёгкой

улыбкой. — Я Олли Ши. Судя по всему, меня нанял ваш отец.

Делаю шаг назад, глубоко вдыхаю, стараясь унять внутреннее напряжение, и широким жестом приглашаю женщину войти:

— Здравствуйте. Меня зовут Ада. Проходите, пожалуйста... Мы вас очень ждали.

— Кто там пришел?.. — доносится приглушенный голос Бэллы из глубины комнаты.

— Добрая фея, бабуль, — мягко отвечаю я, аккуратно вешая плащ Олли на старую деревянную вешалку у двери.

— Буянит? — тихо уточняет сиделка.

— Ага...

Олли приседает на корточки возле своего коричневого чемоданчика, щёлкает замками. Она открывает крышку, и я вижу аккуратно разложенные инструменты: ампулы, шприцы, салфетки, блистеры. Ловкими, отточенными годами практики движениями она достаёт всё необходимое, вскрывает ампулу с лёгким треском и набирает прозрачную жидкость в шприц.

— Эта вакцина всё исправит, — произносит она уверенно, как человек, который привык верить в силу медицины. — Раз уж её массово внедряют, значит, в ней есть смысл,

правда?

Я пожимаю плечами, следя за ее спокойными движениями.

— Наверное... — наконец отвечаю я. — Нас вакцинировали перед вылетом. Выбора не дали...

Из спальни Бэллы появляется Кайл. Его лицо озаряет та самая фирменная улыбка — ослепительная, обезоруживающая, способная растопить сердце любой женщины. Он словно на мгновение включает какой-то внутренний свет.

— Добрый день, — его голос звучит ниже обычного, бархатно и обволакивающе, будто специально созданный для того, чтобы успокоить и расположить. — Я Кайл.

Он протягивает руку. Олли пожимает ее:

— Олли. Могу я пройти к пациентке?

Кайл галантно отступает в сторону, широким жестом приглашая её войти:

— Разумеется, позвольте вам помочь. Сегодня бабуля не в настроении.

Я тихо следую за ними в спальню. Бэлла лежит на кровати, обхватив старого плюшевого кота — потрепанного, с одним глазом на нитке. Она прижимает его к груди, как ребенок, ищущий защиты.

— Я уже ко всему привыкла, — философски произносит

Олли, осматривая комнату. — В этом районе одни старики живут — брошенные, забытые, словно выпавшие из времени... Но вы, — она переводит взгляд на нас с Кайлом, — вы молодцы. Что нашли время приехать, проведать бабушку. Это дорогого стоит.

Её улыбка становится теплее. Она бережно протирает спиртовой салфеткой плечо Бэллы.

Кайл тем временем прислоняется голой спиной к прохладной стене, глубоко вздыхает и, словно решившись, произносит:

— Кстати... мы в ближайшее время уезжаем. Отец срочно вызвал нас по семейным обстоятельствам.

Он делает паузу, внимательно смотрит на Олли.

— Вы сможете сегодня остаться с ней? Мы были бы очень признательны.

Олли Ши с поразительной осторожностью вводит препарат. Я невольно морщусь и до боли закусываю губу, внутренне готовясь к взрыву: вот сейчас бабушка начнёт кричать, отбиваться, метаться по кровати... Но, к моему глубочайшему удивлению, она лишь медленно водит глазами — сначала на нас с Кайлом, потом на медсестру, затем снова на нас. В её взгляде читается не страх, а какое-то отстраненное любопытство, будто происходящее её уже не касается.

— Мне нужно привить ещё десятерых, после чего я обязательно вернусь, — мягко произносит Олли, одаривая Кай-

ла тёплой улыбкой. Её голубые глаза искрятся добротой и уверенностью.

— Сколько времени это займёт? — тихо уточняю я, стараясь не выдать своего напряжения.

— Примерно три часа, — отвечает она, выходя из комнаты и мягко маня нас рукой. — Пойдемте, обсудим кое-что.

Мы с Кайлом обмениваемся быстрыми взглядами. Следующим за Олли. Брат осторожно прикрывает дверь спальни, чтобы Бэлла не услышала того, что может её расстроить или напугать.

— У меня есть препарат, который поможет бабушке крепко уснуть, — тихо говорит Олли, всё ещё глядя исключительно на Кайла. — Пока она будет отдыхать, каждый из нас сможет заняться своими делами без лишних волнений.

Меня будто тут нет. Не удивительно. В отличие от Кайла, у меня нет этих широких плеч, рельефных мышц, той магнетической харизмы, перед которой так легко сдаются люди. Брат прекрасно знает, насколько он обаятелен, и умело пользуется этим — всегда так было.

— Что думаешь, сестренка? — Кайл поворачивается ко мне, его чёрные глаза искрят.

— Я за, — отвечаю без колебаний. — Не хочу заставлять

отца ждать.

— Значит, так и поступим, — Кайл мягко кладёт ладонь на плечо Олли. — Идите, усмирите нашего домашнего «цербера», хорошо?

Олли слегка краснеет — лёгкий румянец проступает на её щеках. Она качает головой и делает театральный вздох.

— Запасные ключи находятся здесь, — я подхожу к полке в прихожей и аккуратно кладу их. — Когда будете уходить, пожалуйста, не забудьте их забрать. А мы с Кайлом пока пойдём собираться — нужно успеть купить билеты.

Глава 3

— Давно тут проблемы со связью? — с досадой спрашивает Кайл, в очередной раз безуспешно пытаясь оплатить такси переводом через приложение. Его пальцы нервно бегают по экрану смартфона, а лицо искажает гримаса раздражения.

Водитель — лысоватый мужчина лет пятидесяти с добродушным, но усталым лицом — уверенно держит руль, вольготно развалившись на сиденье. Он неторопливо щелкает кнопкой, запуская дворники, которые начинают монотонно скользить по лобовому стеклу, размазывая капли дождя.

— Да уже дня два такая напасть, — спокойно отвечает он. — А раньше, знаете, всё работало как швейцарские часы.

За окном автомобиля проплывают осенние пейзажи: бесконечные поля, бурые и голые, редкие одинокие домики с покосившимися заборами, деревья с жёлтыми листьями, дрожащими на ветру. Посёлок, где живёт Бэлла, кажется забытым миром — он расположен в отдалении от центра и аэропорта, словно ненужный аппендикс, который когда-то отрезали от большого организма и оставили гнить на обочине жизни.

От Пири — так называется это забытое богом место — до Палмоса, крупного города неподалеку, всего около двадцати минут езды по извилистой трассе. И всё это время я жадно

впитываю виды за окном: да, они мрачные, осенние, пропитанные сыростью и тоской, но даже такая природа кажется мне более живой и настоящей, чем бетонные джунгли душного мегаполиса с его вечной суетой и смогом.

— Может, проблемы из-за непогоды? — вступаю я в разговор.

Таксист поворачивает голову к зеркалу заднего вида, одаривает меня теплой улыбкой:

— Милая девушка, этот ветерок за окном — всего лишь ласковый шепот природы. У нас тут порой такие ураганы бушуют, что крыши с домов срывает, а связь всё равно работает. Нет, тут что-то иное, нечисто тут дело...

Кайл с раздраженным вздохом бросает попытки совладать с непослушным телефоном и нервно заталкивает его в сумку через плечо. Затем поворачивается ко мне.

— Чёрт возьми, до чего же стыдно просить денег у девушки... — он на секунду замолкает, затем выдыхает: — Но всё же... у тебя случайно нет налички на такси?

Я нервно запускаю руку в сумку, пальцы судорожно перебирают содержимое — паспорт, какие-то чеки, рассыпавшаяся пудра, ключи... Внутри всё сжимается от неловкости: а если наличных нет? Как тогда расплачиваться с таксистом?

— Что-то точно было... — шепчу едва слышно, продолжая лихорадочно рыться в этом хаосе.

Кайл наклоняется, заглядывает в сумку с ироничной улыбкой:

— Если что-то и было, то этот мини-апокалипсис его точно поглотил, — брезгливо двумя пальцами он выуживает из недр сумки измазанный в пудре чек. — Ада, это точно тебе нужно?

— Да! — резко выхватываю у него чек и с победным видом демонстрирую найденные купюры. — Нашла! Мы спасены!

— Умничка моя, — Кайл нежно чмокает меня в лоб. — Что бы я без тебя делал?

— Спокойно жил, — я широко улыбаюсь, чувствуя, как тревога сменяется облегчением.

— Вы давно вместе? — неожиданно подаёт голос таксист, кивая в нашу сторону через зеркало заднего вида.

— Давно, — протяжно выдыхает Кайл, откидываясь на сиденье.

Я резко поворачиваюсь к нему. Окидываю его взглядом — хмурее чёрной тучи.

— Мы брат и сестра, — твёрдо отвечаю таксисту, подчёркивая каждое слово.

— Да? — таксист удивленно приподнимает брови, и морщины на его лбу собираются в причудливую гармошку. — Вы так гармонично смотрите вместе... Прямо как влюблённая пара.

Призывно смотрю на Кайла, жду, что он скажет что-то, опровергнет эти слова, но брат молчит. Его взгляд расфокусирован, устремлён вперёд, словно он находится где-то далеко — в другом времени, в другом мире. Непонятно зачем, я вдруг произношу вслух:

— Мы не родные. Я приёмная.

Таксист коротко фыркает, на лице появляется усмешка:

— А, ну тогда всё понятно...

Решаю не спрашивать, что именно ему «понятно» — и так ясно, что мужчина просто обожает поболтать, выискивая в чужих жизнях скрытые истории.

Вдали, за поворотом дороги, наконец показывается здание аэропорта — большое, серое, с яркими огнями у входа.

— Сбили что ли? — таксист чуть сбавляет скорость, бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида, потом снова смотрит на дорогу.

Одновременно с Кайлом мы наклоняемся между сиденьями, вытягиваем шеи, чтобы разглядеть, что произошло. На обочине валяется велосипед — рама погнута, переднее колесо обмотано длинным поводком. К нему прицеплена соба-

ка. Она лежит на асфальте неподвижно, бок в темной луже, которая медленно растекается по асфальту. Над ней на коленях склонился человек в шлеме и спортивной экипировке. Его плечи содрогаются.

— Остановите, может, парню помощь нужна, — Кайл сосредоточенно смотрит на несчастного, голос звучит твердо.

Водитель неохотно жмёт на тормоза, машина дёргается и останавливается рядом. Кайл тут же открывает дверь и выходит. Я выглядываю из-за его спины, пытаюсь рассмотреть, что произошло, и сердце неприятно обжигает.

Собака породы питбультерьер лежит в луже крови. Живот разорван, из раны вывалились внутренности, тёмные, блестящие на свету. Мужчина повернут к нам спиной. Он уткнулся лицом в бок пса, дёргает головой, что-то пытается сделать руками. Движения судорожные, отчаянные, будто он всё ещё надеется вернуть то, что уже в лапах смерти.

Слышу, как Кайл резко втягивает воздух сквозь зубы.

— Господи... — шепчу я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Человек не замечает нас. Он полностью погрузился в своё горе — не видит, не слышит, не чувствует ничего вокруг. Возможно, не осознает даже собственных травм: на локте — рваная рана, из-под шлема сочится кровь, но он будто не чувствует боли. Для него сейчас существует только пёс, который больше не дышит.

Кайл делает шаг вперёд, потом ещё один. Он колеблется

секунду, затем осторожно кладёт руку на плечо мужчины:

— Эй... вам помощь нужна? Может, «скорую» вызвать?

Тот резко разворачивается — Кайл отшатывается в сторону, хватаясь рукой за дверцу авто, чтобы не потерять равновесие. Я подаюсь вперёд, на миг цепенею, а затем визжу, как недорезанная свинья:

— Кайл, в машину! — отпрыгиваю назад, больно бьюсь головой о низкий потолок салона. Боль вспыхивает на мгновение, но страх заглушает её.

— Что за хренотень? — таксист, опершись о пассажирское сиденье, смотрит через окно, его лицо искажает смесь ужаса и непонимания.

Мужчина стоит перед нами — лицо сплошь измазано липкой, ещё тёплой кровью, она стекает по подбородку и шее, оставляя алые дорожки. Во рту болтается кусок шкуры песочного оттенка, в нем видны розовые волокна мышц. Крючковые пальцы с грязными ногтями дёргают за край, отрывают лоскут — тот с влажным хрустом отделяется, и мужчина начинает жевать, издавая мерзкое чавканье, будто разгрызает сырой хрящ. Черные солнцезащитные очки скрывают глаза, а к линзам прилипли сгустки крови, похожие на уродливые наросты. Он медленно, с хрипом поднимается на ноги, и из груди вырывается низкое, животное рычание — звук, от которого кровь стынет в жилах.

— Ты под чем? — Кайл делает шаг назад.

Парень открывает рот шире, скалится — изнутри вытека-

ет темная густая слизь, стекает по подбородку. Его движения дерганые, как у марионетки.

— Кайл, мать твою, садись! — я дергаю его за край кожаной куртки, пальцы немеют от страха, сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Кайл, если ты сейчас не сядешь, мы уедем без тебя! — громко выкрикивает таксист, раздув широкие ноздри.

Брат ловко проскальзывает в салон и с грохотом захлопывает дверь — прямо перед искаженным от ярости лицом велосипедиста. Тот с нечеловеческим рыком обрушивает ладони на стекло, размазывая кровь. Бурые отпечатки пальцев расползаются по поверхности, словно жуткие символы. Он клацает зубами, в безумной попытке прокусить преграду — зубы скрипят по стеклу, вызывая мороз по коже.

Машина рывком срывается с места. Тело безумца, отброшенное центробежной силой, неуклюже прокручивается вокруг своей оси и с глухим стуком падает на асфальт. Но уже через секунду он поднимается — с какой-то противоестественной, механической ловкостью — и неумолимо движется обратно, к растерзанному трупу собаки, будто ведомый инстинктом.

Моё дыхание прерывисто и рвано, как после изнурительного забега по полосе препятствий. Пальцы в панике судорожно цепляются за мокрую кожу куртки Кайла — ногти впиваются в материал так сильно, что, кажется, вот-вот прорвут его насквозь.

— Что это было? — выдавливаю сквозь сжавшееся горло.

Кайл стирает со лба капли дождя, хмурит брови. Глаза горят тревожным огнем, в них читается попытка осмыслить увиденное.

— Бешенство, — коротко отвечает он.

— Нужно сообщить в надзор, — хрипло говорит таксист, почесывая затылок. — Но на бешенство это не похоже...

— По-вашему, что это? — вижу, как Кайл начинает злиться, его кулаки сжимаются.

— Обдолбался, может, — пожимает плечами таксист. — Хотя спортсмен вроде...

В салоне повисает тяжелое молчание. Мы смотрим друг на друга, пытаюсь осознать, что только что произошло. За окном мелькают деревья, дорога ведет к аэропорту, но образ окровавленного мужчины с куском шкуры во рту остается перед глазами.

Глава 4

Мы стоим перед входом в аэропорт. Ветер, резкий и беспощадный, яростно треплет мои волосы, безжалостно пробираясь ледяным дыханием под куртку. Морозящий дождь осыпает лицо колючими каплями, усиливая ощущение тревоги.

Кайл осторожно поправляет ворот моей водолазки. Его лицо непривычно сосредоточенно, в глазах — отсутствует свойственная плясках юморных чертят.

— Я рядом, ничего не бойся, — произносит он мягко. Тёплые ладони бережно берут моё лицо, взгляд проникает в самую глубину души. — Помнишь, как мы проходили практику в тюрьме для особо опасных преступников? Там было несладко, но мы справились.

— Помню, — я киваю, стараясь унять внутреннюю дрожь. — Но там никто не пожирал мёртвых собак...

— Пф, — Кайл усмехается, большими пальцами аккуратно стирая влагу с моих щёк. — Они совершали вещи куда более страшные. Вспомни тех каннибалов и их рассказы про пельмени с человечинной, про тушёнку, про...

— Фу, ради бога, хватит! — я резко отстраняюсь, пытаюсь отогнать жуткие образы, и решительно направляюсь к массивным дверям здания. — Сначала дерьмо на стенах, потом этот безумный тип, пожирающий бедного пса... Что ещё мо-

жет выкинуть это проклятое место?

Кайл молниеносно обгоняет меня, галантно распахивает дверь и с привычной ироничной улыбкой произносит:

— О, вариантов масса: появление Годзиллы, падение метеорита или, скажем, массированное нападение взбесившихся старушек.

Он, как и всегда в моменты моего сильнейшего дискомфорта, инстинктивно берет меня за руку. Мне даже не нужно просить его об этом — Кайл безошибочно чувствует тот самый момент, когда мне больше всего нужна его поддержка.

В огромном зале аэропорта царит невообразимый хаос: люди снуют туда-сюда, создавая ощущение бесконечного движения. Кто-то натужно тянет за собой тяжелые чемоданы — колеса застревают в стыках плиточного покрытия. Рядом женщина пронзительно кричит, торопя своих детей и мужа. Неподалёку пожилая пара с растерянными лицами крутят головами — точно так же, как и мы, пытаются сориентироваться в людском водовороте.

Неожиданно перед нами возникает долговязый охранник — его высокая фигура разрезает суетливое пространство зала. Он окидывает нас внимательным взглядом.

— Молодые люди, прежде чем пройти дальше, вы обязаны посетить медпункт и пройти процедуру вакцинации.

— Мы привиты, — отвечает Кайл слегка сжимая мои пальцы.

— Предъявите удостоверения личности — я проверю по базе, — охранник недоверчиво смотрит на нас по очереди.

— Без проблем, — Кайл, неторопливо расстегивает молнию на сумке и протягивает паспорт.

Я, стараясь унять лёгкую дрожь в руках, роюсь в своей сумке. Вещи, кажется, нарочно сопротивляются. Наконец нащупываю твердый уголок паспорта и с облегчением протягиваю его охраннику:

— Вот, пожалуйста.

— Ожидайте пару минут, — коротко бросает охранник, щелкает кнопкой рации и произносит: — Боб, проведи проверку по базе: Ада Фарт и Кайл Скар.

— Принято, — тут же отзывается хриплый голос из динамика, сопровождаемый характерным шипением помех.

Очередь в медкабинет растянулась почти до самого входа — плотная, нервная, живая. Люди стоят плечом к плечу, переминаются с ноги на ногу, бросают друг на друга косые взгляды.

Пожилой мужчина с седыми висками и дрожащими руками опирается на резную трость. Его лицо искажает гримаса негодования, губы дрожат, когда он резко бросает:

— Где право выбора, скажите мне? Кто дал им право решать за нас?

Рядом с ним, уткнувшись в экран смартфона, стоит девчонка лет пятнадцати — розовая толстовка, капюшон на го-

лове. Не поднимая глаз, она лениво протягивает слова:

— А вдруг у меня аллергия? На этот ваш супер препарат. Вы об этом не подумали?

В нескольких шагах от них пышногрудая блондинка с ярко-красными губами всплескивает руками, её голос перекрывает общий гул:

— Да о чём вы говорите?! Государство дает нам шанс! Это научный прорыв! Болезни уйдут, молодость вернётся — вы хоть понимаете, что это начало новой эры?

Худосочная женщина в очках с толстыми линзами, стоящая ближе всех к двери медкабинета, раздраженно отмахивается:

— Вечно люди ноют. Как будто им что-то угрожает. Просто сделайте прививку и идите дальше. Бесплатно ведь.

Я достаю мобильный — на экране скупно мигает значок антенны: всего одно деление. Открываю мессенджер и выбираю мамин контакт. Нажимаю на кнопку записи и шепчу в микрофон:

— Привет, мамуль... Мы сейчас в аэропорту. Пытались купить билеты онлайн, но ничего не выходит — тут жуткие проблемы со связью. Даже не знаю, отправится ли это сообщение... Хочу поскорее убраться отсюда. По пути случилось кое-что страшное — волосы до сих пор дыбом. Расскажу,

когда увидимся. Люблю вас.

— Можете проходить, — раздаётся голос охранника: он возвращает нам паспорта с коротким кивком.

— Где находится касса? — тут же уточняет Кайл.

Мужчина коротко указывает рукой позади себя:

— Прямо перед вами, вон там.

— Благодарю, — Кайл кивает и решительно тянет меня за руку. — Пойдём, пока у кассы никого нет.

Мимо нас с оглушительным грохотом проносится женщина, не удосуживаясь притормозить — колёса её громоздкого чемодана безжалостно проезжают прямо по ногам Кайла.

— Да чтоб тебя! — резко шипит брат, провожая удаляющуюся фигуру таким взглядом, что, кажется, мог бы прожечь в ней дыру.

Я едва успеваю за ним. Мои шаги мелкие и торопливые — я плетусь следом, словно привязанный воздушный шарик, который вот-вот унесет порывом ветра, если не ускориться. Кайл шагает широко, решительно, не оглядываясь.

Подходим к стойке регистрации. За ней нас встречает улыбчивая кудрявая блондинка — её локоны аккуратно уложены, макияж безупречен, а улыбка выглядит так, будто она репетировала ее перед зеркалом сотни раз.

— Здравствуйте! Какое направление вас интересует? — произносит она заученно-вежливо, с той самой интонацией, которую, кажется, вбивают в голову всем сотрудникам аэро-

портов.

Кайл неторопливо опирается локтями о стойку. Его лицо озаряет самая обаятельная улыбка из арсенала — зубы сверкают, глаза искрятся.

— Здравствуйте, — начинает он бархатным, обволакивающим голосом. — Знаете, какие у вас красивые... — его взгляд нарочито медленно скользит вниз, ненадолго задерживается на декольте, а затем возвращается к глазам, — ... глаза. Глубокие, бездонные. В них так легко потеряться...

Блондинка моментально краснеет — её щёки вспыхивают ярким румянцем, словно два спелых наливных яблочка.

Я закатываю глаза и тяжело облакачиваюсь на стойку. Ну вот, началось. Классический Кайл во всей красе.

Брат понижает голос до интимного шепота, чуть наклоняясь вперёд:

— Нам нужен ближайший рейс до Монса. Будьте добры, постучите своими восхитительными пальчиками по клавиатуре. Возможно, найдётся что-то на сегодня?

Девушка кокетливо стрельнула глазами в его сторону, а затем быстро переключила внимание на экран компьютера, застучала клавишами.

Кайл оборачивается ко мне и победно подмигивает, явно наслаждаясь эффектом. Я лишь шумно выдыхаю и криво улыбаюсь в ответ.

— Вам невероятно повезло, — с лучезарной улыбкой сообщает блондинка, вновь поворачиваясь к нам. — Остались последние два билета — вылет завтра ровно в десять утра. Будем оформлять?

— О, моя золотая, вы просто ангел! — восторженно восклицает Кайл, скрещивая пальцы. — Разумеется, оформляем, немедленно!

Волна облегчения и радости накрывает меня целиком — я не сдерживаюсь и начинаю тихонько пританцовывать прямо у стойки. Завтра... Завтра мы наконец покинем это место и окажемся рядом с семьей. С нашим дедом — вечно брюзжащим, ворчащим на каждом шагу, но таким родным и любимым. Он — настоящий военный до мозга костей: с самого детства учил нас не только обращаться с оружием, но и защищаться, показывал приемы самообороны. Именно он привил нам уважение и любовь к военному делу. Потому мы с Кайлом даже не задумывались о выборе профессии — сразу после школы подали документы в колледж Министерства внутренних дел. А когда отец предложил устроить нас в свой полицейский участок — взамен на визит к Бэлле, — мы, разумеется, согласились без колебаний.

— Однако возникла небольшая техническая сложность, — прерывает мои тёплые воспоминания блондинка. — К сожалению, оплата принимается исключительно наличными.

— О нет... — я в отчаянии хлопаю ладонью по стойке, и та заметно вибрирует от удара.

— Где ближайший банкомат или отделение банка? — мгновенно берёт инициативу в свои руки Кайл.

Кассирша виновато поджимает губы и разводит руками:

— В самом здании аэропорта есть банкомат, но, увы, он тоже вышел из строя. Полагаю, ситуация аналогична и в округе. Но не волнуйтесь — специалисты уже занимаются проблемой, скоро всё восстановят.

Кайл протяжно, тяжело выдыхает и нервно проводит рукой по волосам, собранным в небрежный пучок на затылке.

— Вот вернёмся домой, — цежу я сквозь зубы, не в силах сдержать раздражение, — я тебе эти патлы лично обрежу! Достали уже!

— Договорились, сестрёнка, — спокойно бросает Кайл, даже не оборачиваясь на мою вспышку. Затем вновь обращается к кассирше: — Подскажите, какие ещё есть способы добраться до нужного нам места?

— Вы можете доехать на поезде или метро до Монса, — оперативно отвечает девушка, — а оттуда уже добраться до Норга на такси, автобусе или поймать попутку.

— Благодарю, — серьёзным тоном произносит Кайл. — Так где же находится станция метро?

Она мельком смотрит на наручные часы:

— К сожалению, закрывается через четыре минуты. Если хотите воспользоваться этим вариантом, приходите завтра

ровно к десяти — спуск в метро расположен прямо напротив здания аэропорта.

Я осторожно тяну Кайла за рукав куртки:

— Пойдём отсюда. Нам ещё нужно как-то вернуться к Бэлле...

Брат снова берет меня за руку и тихо произносит:

— Чёртова дыра... Что-то здесь нечисто.

Вдруг тишину зала разрывает пронзительный, истеричный крик:

— Врача! Быстрее! Женщине плохо, помогите!

От неожиданности и испуга я непроизвольно впиваюсь ногтями в ладонь Кайла.

— Эй, полегче, — мягко одергивает он меня, притягивает к себе и обхватывает рукой за плечи. — Идём, не смотри туда.

Он ускоряет шаг. Бросаю взгляд через плечо: вокруг женщины, распластавшейся на полу, уже образовалась плотная толпа зевак. Её тело содрогается в судорогах, а на губах пузырится густая белая пена. Кто-то кричит, что вызвал скорую, кто-то снимает всё на телефон.

Я послушно следую за братом — он решительно пробирается сквозь толпу, расталкивая людей плечами. Резким толчком Кайл распахивает тяжёлые двери, и мы оказываемся сна-

ружи.

Глубоко вдыхаю сырой, прохладный воздух — он проникает в легкие, как глоток свободы. Напряжение постепенно отпускает, бушующий внутри пожар разочарования немного утихает, хотя тревога все еще цепко держит за сердце.

— И как мы попадем в Пири? У меня ни гроша, — с тревогой спрашиваю я брата, отчаянно надеясь, что он, как обычно, найдет выход из положения.

Кайл не отвечает сразу. Он прищуривается, медленно обводит взглядом парковку — так хищник изучает поле охоты. Его темные глаза методично сканируют машины. В поле зрения — несколько такси: водители скучают в ожидании клиентов с наличными, коими мы, увы, не располагаем. Рядом ровными рядами выстроились красные электросамокаты — но и они сейчас бесполезны: без стабильной связи их не активировать.

— Есть вариант: угнать мотоцикл, — наконец бросает Кайл и кивает в сторону.

Там, под тусклым светом фонаря, стоит чёрный красавец — мощный, блестящий, капли воды играют на корпусе всеми оттенками металла. Я замираю, замороженно глядя на него. Сколько раз я представляла, как мчусь на таком по ночному городу... Но мечты так и остались мечтами: сначала денег не было, а потом отец категорически запретил даже думать о мотоциклах — слишком опасно, сказал он.

Шумно выдыхаю, стараясь скрыть внутреннюю борьбу:

— Кайл Скар! Ты же будущий полицейский, как ты можешь такое предлагать?

Хотя в глубине души я уже мысленно запрыгиваю в седло и жму на газ.

— Проверка на вшивость, — пожимает плечами брат, не отрывая взгляда от парковки. — Если бы согласилась — я бы тебя сразу сдал.

— Пытаешься избавиться от конкурентки? — бросаю я с иронией.

Он резко поворачивается ко мне. Взгляд твёрдый, голос — стальной:

— Ты — мое наказание, сестрёнка. Только смерть нас разлучит.

По спине пробегает ледяной озноб. В его словах звучит что-то большее, чем шутка.

— Что? — хмурясь, произношу я.

— Туда, — резко бросает Кайл и тянет меня за собой. — Я видел этого парня рядом с нашим домом.

Мы быстро идём по лужам — подошва кроссовок пружинит, разбрызгивая капли во все стороны. Я внимательно смотрю на человека, к которому мы приближаемся.

Мужчина лет двадцати пяти в военной форме закидывает спортивную сумку в багажник старенькой «Шевроле Импалы» чёрного цвета. На его лице — недовольная гримаса, он

что-то раздраженно бубнит себе под нос.

— Приветствую, — начинает Кайл, протягивая руку.

Военный пожимает его руку:

— Добрый вечер, — голос с хрипотцой. — Если, конечно, его можно назвать добрым.

— Здравствуйте, — киваю я, поймав на себе его взгляд.

Он коротко кивает в ответ.

— Хреновый денёк, да, приятель? — ухмыляется Кайл.

— Весь день получаю сообщения от начальства, в которых они любят меня в разнообразных позах и с особой жестокостью, — мужчина снимает кепку и вытирает ею капли с лица. — Нужно ехать в Монс, а я застрял в этом доисторическом анусе мира.

— Как я вас понимаю, — поддакиваю ему и мило улыбаюсь, пытаюсь включить всё своё очарование. — Нам тоже туда нужно.

— Вообще, нам нужно в Норг, — вступает Кайл. — Но если подкинешь нас до Монса, будем безмерно благодарны.

— Сначала в Пири, — кошусь на брата, тихо возражая.

— Закари Хук, — мужчина окидывает нас голубоглазым взглядом, явно ожидая, что мы тоже представимся. — Для своих просто Зак.

— Кайл Скар, — брат обнимает меня за плечи. — А эта милая девушка — Ада Фарт.

— Сестра Кайла, — добавляю я.

Из окна водительского места высовывается голова. Сначала показывается слегка сиреневая шевелюра — гулька идеально собрана высоко на макушке. Морщинистое лицо украшает перламутровая розовая помада, глаза подчеркнуты жирными, не совсем ровными стрелками.

— Зак, дорогой, что хотят эти милые молодые люди? — спокойно произносит пожилая женщина, торча из двери машины.

— Ба, они просят подвезти их в Пири. Ты как, даешь добро? — отвечает Зак.

— Конечно! — оживленно отзывается она. — Свежая кровь! Мне будет с кем поболтать по дороге.

Я складываю ладони в жесте искренней благодарности и улыбаюсь:

— Спасибо! Вы наша спасительница!

Зак, ухмыляясь, кидает на меня многообещающий взгляд:

— Через пять минут вы будете молить выпустить вас из машины — она та ещё трындычиха.

Кайл щелкает ручкой задней двери и, кивнув, приглашает меня внутрь «Импалы»:

— Мы с ней поладим.

Осторожно забираюсь на заднее сиденье. Внутри машина пахнет старыми кожаными сиденьями, ванилью и едва уло-

вимо — лавандой. Пожилая дама поворачивается к нам, лущезарно улыбається, демонстрируя ровные фарфоровые зубы:

— Меня зовут Эвелина Роуз, — представляется она. — Но для вас просто бабушка Эва. И да, Зак прав — я действительно очень люблю поболтать. Особенно о молодости, политике и правильном способе мариновать огурцы.

Кайл, уже усевшийся рядом со мной, тихо фыркает. Я пихаю его локтем в бок, стараясь не рассмеяться.

— Очень приятно, бабушка Эва, — вежливо отвечает он. — Я Кайл, а это моя сестра Ада.

— О, брат и сестра! — восклицает женщина, всплеснув руками. — Как мило!

Она заводит двигатель, и старый мотор отзывается глубоким, утробным рыком.

Бабушка Эва тут же поворачивается к нам:

— А знаете, в моем возрасте каждая поездка — это маленькое приключение. И я вам сейчас расскажу, как однажды мы с моим покойным мужем...

Из здания аэропорта доносится какофония криков — перепуганные голоса сливаются в тревожный гул, а следом раздаются резкие, оглушительные выстрелы, от которых вибрирует воздух. Зак с Кайлом синхронно хватаются за ручки двери, готовые рывком распахнуть дверь и выскочить из машины. Но щелчок блокиратора замков срывает раньше — холодный механический звук, отрезающий путь к дей-

ствию. «Шевроле» с ревом срывается с места, колеса буксуют на влажном асфальте, разбрасывая мелкие камешки и оставляя черные полосы. Эва ловко выкручивает руль, её руки уверенно держат баранку, а взгляд, холодный и сосредоточенный, следит за маневром — машина ловко объезжает разделительные столбики, едва не задев один из них крылом.

— Ба, ты что творишь? — вспыхивает Зак. — Там что-то произошло! Людям нужна помощь!

На лице Эвелины не дрогнул ни один мускул, она смотрит на дорогу с пугающим спокойствием, словно происходящее за стенами машины ее не касается. Обыденным тоном, будто обсуждает погоду, произносит:

— У нас свои дела, нас туда никто не звал, помощи не просил, не нужно навязываться. Ты сейчас не на службе, Зак.

— Там есть охрана, — поддерживаю её, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё сжимается от противоречивых чувств. — Пусть отработывают свой хлеб.

«Импала» резко подпрыгивает на лежащем полицейском, подвеска жалобно скрипит. Кайл бьётся макушкой о потолок.

— Черт, — шипит он, потирая ушибленное место. — Что за день сегодня...

— Каждый день — это праздник, — философски размышляет Эва, — нужно радоваться ему независимо от со-

бытий, которые его наполняют. Ведь следующий может и не наступить.

В салоне повисает звенящая тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом двигателя — он вибрирует, отдаваясь в мышцах.

В моей голове крутится калейдоскоп мыслей, они насканивают друг на друга, путаются, рвут сознание на части. Что произошло в здании аэропорта? Перед глазами мелькают обрывки образов: лицо женщины с пеной у рта, силуэты метнувшиеся в темноте... Правильно ли мы поступили, сбежав и оставив людей в беде? Ведь нас учили помогать гражданам — каждый инструктаж, каждое занятие вбивали это в голову. Или, может, сама судьба спасла нас от чего-то страшного, что разыгралось там, за стенами здания? От этой мысли по спине пробегает холодок.

— Зак, во сколько завтра отчаливаем? — нарушает молчание Кайл, его голос звучит непривычно тихо, будто он боится спугнуть что-то хрупкое в этой напряженной тишине.

— Утром, часов в девять, — коротко отвечает тот, уставившись в темноту трассы.

— А вы к кому приехали? — спрашивает Эва, бросая на меня взгляд в зеркало заднего вида.

Подвигаюсь ближе, сажусь между сидений, слегка потеснив Кайла.

— К Бэлле Скар, приехали проведать, но отец срочно вызвал нас. Не знаю, что на него нашло, но сказал срочно ехать

в Норг.

Эвелина кивает, улыбаясь перламутровыми губами.

— Бэлла, соседка по подъезду. Как она? Давно не видела её на прогулке.

Протяжно выдыхаю, чувствую, как воздух с шумом выходит из лёгких, а в груди сжимается тугой комок.

— К сожалению, не очень. У неё деменция.

Эва, цокая языком, качает головой, её пальцы чуть сжимают руль.

— Страшная болезнь. Потерять рассудок — даже врагу не пожелаешь. Вы из Норга?

— Нет, там живёт наш дедушка. Родители едут туда в отпуск.

— Значит, вся семья соберется. Это прекрасно.

В густой темноте трассы, появляется одинокая машина — за всё время поездки в нашу сторону это первая, которую мы встретили. Её силуэт мерцает вдалеке, будто призрак, пока фары «Шевроле» рассеивают сгустившийся туман, пробивая в нем желтоватые коридоры света. Дождь вновь начинает барабанить по крыше — ритмично, настойчиво, крупные капли стекают по лобовому стеклу, рисуя на нем извилистые дорожки. Эва включает дворники, и те, бодро, но со скрипом, смахивают мешающие обзору влажные полосы, оставляя за собой прозрачные следы.

— Учитель или работаете? — с интересом продолжает Эва.

Кайл, решив поболтать с приятной дамой, оживляется:

— Закончили колледж с красным дипломом, после отпуска будем работать в полицейском участке, — с гордостью произносит он, расправляя плечи.

— Хвастун, — наклонившись к нему, шепчу в ухо, чувствуя тепло его кожи и едва уловимый запах одеколona. Мой шёпот почти теряется в шуме дождя и гуле двигателя, но Кайл всё равно бросает на меня короткий взгляд, в котором мелькает улыбка.

— Замечательная профессия, — начинает Эва, но визг тормозов ехавшей впереди машины резко обрывает ее фразу.

Пронзительный, режущий слух звук, от которого сжимается всё внутри.

«Импала» начинает тормозить — резко, рывком, меня двигает вперёд, перед глазами мелькает панель приборов. Кайл хватает меня за куртку, тянет на себя с силой, удерживая от удара о переднюю панель. Эва выкручивает руль вправо — руки двигаются молниеносно, пальцы белеют на руле, — и машина, со скрипом шин, уворачивается от столкновения.

Глухой стук о капот затормозившей перед нами машины отдаётся в груди, как удар молота. Тело подлетает в темноте — я успеваю заметить размытый силуэт в свете фар, — пролетает над крышей автомобиля и с хлопаящим звуком падает где-то позади нас. Моё сердце стучит где-то в горле,

дыхание перехватывает. Я, вылупив глаза, смотрю на Кайла, его лицо в полумраке кажется бледным, напряженным.

— Сидим в машине, — одними губами говорит он мне, глаза широко раскрыты.

Закари оборачивается через сидение — тёмные брови сведены к переносице, голубые глаза во мраке кажутся черными, в них застыла тревога.

— После такого полёта он не жилец, — хрипло проговаривает он.

Из машины, сбившей человека, выбегает полный мужчина — клетчатая рубашка обтягивает большой живот, пуговицы едва держатся. Фары выхватывают его красное лицо, капли дождя блестят на лбу. Он неуклюже бежит в сторону тела, лежащего на асфальте, на ходу включает фонарь — луч света дрожит, выхватывая из темноты лужи и разводы грязи.

— Живехонький, — тихо говорит Эва смотря в боковое зеркало.

Я разворачиваюсь, всматриваюсь в заднее окно. В свете задних фар вижу знакомый велосипедный шлем — поцарапанный, с трещиной на визоре, — и яркую экипировку, которая сейчас изорвана, вся испачкана кровью. Лоскуты кожи свисают и кровоточат, белые кости торчат острыми краями из переломанных рук, на ткани видны тёмные пятна, смешанные с грязью и сгустками крови.

— Кайл, — нащупываю дрожащими пальцами руку брата, — это он...

Кров

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.